

АЛЕКСАНДР КОСОВСКИЙ

ПРЕДЕЛ РЕАЛЬНОСТИ

18+

Косовский Александр

Предел реальности

«Автор»

2026

Александр К. А.

Предел реальности / К. А. Александр — «Автор», 2026

Два мира. Два выживших. Один шанс. Инженер Андрей приходит в себя на крыше московской высотки. Город превратился в адские джунгли: небоскребы оплетены живыми лианами, а под ногами пульсирует гигантская грибница, которая хочет его переварить. Здесь нет людей — только агрессивная природа с единым разумом. Выжить можно, только если стать хитрее этой системы.

В это же время, в другой реальности, инженер Алексей просыпается в заброшенной больнице. Весь мир покрыт серым «Пеплом», который реагирует на звук. Один крик — и пыль превращается в чудовище. Один неверный шаг — и ты становишься акустической тенью самого себя. Спаситься здесь можно только под музыку Шопена. Но хватит ли одной кассеты, чтобы перепрограммировать саму ткань реальности? Если вам нравились «Метро 2033», «Странник» и книги в жанре техно-хоррора — эта книга для вас. Техно-триллер. Попаданцы. Выживание. Звук и плоть. Выбери свой предел.

© Александр К. А., 2026

© Автор, 2026

Косовский Александр

Предел реальности

ПРЕДИСЛОВИЕ

Эта книга — о двух шагах в бездну. Или, если точнее, о двух способах задержать дыхание, когда мир вокруг ломается.

Перед вами не сборник отдельных рассказов и не классический роман с линейным сюжетом. Это диптих — две параллельные истории, которые смотрятся друг в друга, как в треснувшее зеркало. Они не переплетаются и не пересекаются, но говорят об одном и том же: о точке отсчёта.

Что происходит с человеком, когда привычные законы физики перестают работать? Когда бетон прорастает корнями, а тишина превращается в осязаемое, агрессивное вещество? Два инженера — Андрей и Алексей — оказываются по разные стороны этой пропасти. Их оружие одно и то же: расчёт, логика, способность раскладывать страх на формулы и видеть структуру там, где остальные видят лишь хаос.

«Зелёный предел» — это кошмар эволюции. Это мир, в котором природа не просто выжила, а переварила цивилизацию. Здесь жизнь слишком агрессивна, слишком умна, и Андрею придётся считать несущую способность лиан и предел прочности грибницы, прежде чем понять, что иногда единственный способ спасти мир — это не войти в него.

«Акустическая тень» — это кошмар технологии. Это мир, который застыл в момент коллективного ужаса, где звук обладает массой, а память материализуется в пепел. Здесь Алексею предстоит разобрать усилитель и перепаять реальность, используя ноктюрн Шопена вместо отвертки.

Эти две повести — о пределе, за которым кончается привычная реальность и начинается нечто иное. О том, как далеко может зайти инженерная мысль, когда она оказывается единственным спасательным кругом. И о цене, которую приходится платить за знание.

В одной истории герой погибает, чтобы не стать мостом. В другой — выживает, чтобы найти дорогу домой. Но обе они сводятся к одному: «Реальность раздваивается в момент задержки дыхания».

Задержанное дыхание — это миг между жизнью и смертью, между прошлым и будущим, между одним миром и другим. Это и есть тот самый Предел. И на страницах этой книги вы пройдёте через него дважды.

Приготовьтесь слушать. В этом мире тишина не будет пустой, а зелень — безопасной.

Александр Косовский

ЗЕЛЁНЫЙ ПРЕДЕЛ

ГЛАВА 1. ПРОБУЖДЕНИЕ

Сознание вернулось не вспышкой — толчком.

Андрей ощутил жёсткую поверхность спиной раньше, чем вспомнил собственное имя. Бетон. Холодный, но не мёртвый — тёплый с одной стороны, словно его грели часы. Он открыл глаза и увидел зелень. Она была везде. Лианы толщиной в руку перехлёстывали парапет, свисали вниз маслянистыми жгутами, исчезали в провалах между зданиями. Мох покрывал бетонное ограждение сплошной шубой — ярко-изумрудный, с вкраплениями ржаво-оранжевых спор. От мха поднимался пар. Андрей моргнул и почувствовал, как ресницы склеиваются — воздух был влажным до осязаемости, густым, как кисель.

Он сел. Голова отозвалась болью в затылке — тупой, накатывающей волнами. Рука сама потянулась к волосам и нащупала спекшуюся корку. Кровь. Уже сухая, значит, он пролежал здесь не меньше нескольких часов.

Перед ним расстилался город.

Точнее, то, что стало городом.

Небоскрёбы торчали из океана зелени, как обломанные зубы. Стеклянные фасады лопнули, и в пробоины выплёскивались каскады растительности — ползучие стебли, мясистые листья размером с дверной проём, какие-то пузырчатые наросты, похожие на больные лёгкие. На соседней крыше, метрах в тридцати, росло дерево. Его корни пробили бетонную плиту насквозь, ушли в перекрытия, разорвали гидроизоляцию и теперь торчали снизу вверх, как вены на руке старика. Андрей смотрел на это и не мог найти нужного слова. Разруха — нет. Разруха предполагает конец. Здесь же что-то продолжалось. Что-то жило.

Он встал. Ноги держали плохо — мышцы затекли. Покачнувшись, он ухватился за парапет и отдёнул руку: поверхность была горячей и пульсировала. Он опустил взгляд. Под слоем мха, в трещине бетона, росла грибница — белёсые нити, свитые в жгут толщиной с карандаш. Она сжималась и разжималась с частотой примерно раз в три секунды. Медленный пульс. Андрей наклонился ближе и услышал звук — влажное, едва уловимое чавканье, с которым мицелий вытягивал из бетона минеральную взвесь.

— Насос, — сказал он вслух.

Голос прозвучал глухо, как через подушку. Воздух не отражал звук — он его впитывал. Всё вокруг было пористым, рыхлым, покрытым растительной тканью. Ни одного голого метра.

Он выпрямился и впервые осознал масштаб.

Горизонт тонул в испарениях. Там, где раньше проходила кольцевая — он помнил панораму, он бывал в этом районе, — теперь колыхалось зеленоватое марево. Ни дорог, ни машин, ни намёка на движение. Только растительная масса, уходящая во все стороны до самого края видимого. И тишина. Нет. Не тишина. Запрещённое слово. Здесь не было тишины — был непрерывный, ровный, всепроникающий шорох. Миллионы листьев тёрлись друг о друга, где-то внизу хрустели разрастающиеся корни, с нароста на соседней крыше с равномерным «кап-кап» падала маслянистая жидкость, и весь этот звуковой ковер сливался в единый гул, в котором тонули любые отдельные звуки.

Андрей закрыл глаза.

Метро. Час пик. Давка на переходе с кольцевой на радиальную. Запах мокрой одежды и дешёвого кофе. Кто-то толкнул в плечо — сильно, с разворота. Яркая вспышка. Или это свет в конце тоннеля? Нет — удар был сверху. Или снизу? Он не мог вспомнить. Ощущение падения,

бесконечного, без ориентиров, без верха и низа, просто потеря себя в чёрной вате. А потом — бетон спиной и этот пульс. Раз в три секунды.

Он открыл глаза. Грибница в трещине всё так же сокращалась, гоняя воду и минералы. Андрей наступил на неё ботинком — с хрустом, с чавканьем. Белёсый сок брызнул на бетон. Нить дёрнулась и замерла. Но через несколько секунд из разрыва потянулись новые волокна, тонкие, прозрачные, и начали срастаться обратно.

— Регенерация, — пробормотал Андрей. — Интересно.

Он был инженером-строителем. Тридцать пять лет. Полторы ставки в проектно-институте. Последний объект — торговый центр на Щёлковской, монолитный каркас, сваи до известняка. Он помнил это. Он помнил спецификацию бетона, марку арматуры, расчётную нагрузку на перекрытие. Это помогало. Держаться за факты. Факты были якорем.

Факт первый: он на крыше высотного здания, этажей сорок — сорок пять, судя по обзору.

Факт второй: город погребён под биомассой. Климат — влажный субтропический, если не тропический. Температура воздуха градусов двадцать пять, влажность под сто процентов.

Факт третий: он жив, у него нет переломов, только ушиб затылка и обезвоживание. Во рту пересохло до состояния наждачной бумаги.

Факт четвёртый: вокруг ни души. И дело не в том, что он не видит людей — он не видит следов людей. Ни костра, ни надписи, ни мусора. Только растения. Только грибы. Только споры, плывущие в солнечном свете золотистой взвесью.

Он подошёл к краю крыши и посмотрел вниз. Улица угадывалась в провале между домами, но асфальта не было видно — всё скрывала растительная пена. Она колыхалась. Она дышала. Из неё то тут, то там поднимались струйки пара, и они пахли — приторно-сладко, с кислым оттенком гниющей органики.

— Спускаться, — сказал Андрей. — Нужно спускаться. Внизу вода.

Он не знал, почему решил, что вода внизу. Может быть, потому что все инженерные коммуникации идут вниз. Может быть, потому что внизу тень и влага задерживается дольше. А может, просто потому, что оставаться на сорокаметровой высоте с пульсирующей грибницей под ногами казалось ему плохой идеей.

Лестничный выход нашёлся в бетонной будке у края крыши. Дверь отсутствовала — её вырвали. С петель свисали сухие стебли, жёсткие и острые, как проволока. Андрей заглянул в провал. Лестница уходила в темноту, но не в полную — где-то на два этажа ниже пробивался зеленоватый свет. Биолюминесценция. Стены лестничной клетки светились мягким гнилостным свечением, и в этом свете Андрей увидел, что ступени покрыты чем-то вроде лишайника — серо-зелёного, с пятнами чёрного.

Он ступил на первую ступень. Лишайник под ботинком спружинил. Запах усилился — теперь к сладкому гниению добавился землистый, сырой дух разлагающегося перегноя. Андрей задержал дыхание и начал спуск.

Каждый шаг сопровождался хрустом. Лишайник лопался под подошвой, выделяя маслянистую жидкость. Ступень крошилась — бетон, изъеденный грибковыми кислотами, рассыпался в песок. Андрей считал этажи. Тридцать девятый. Тридцать восьмой. Тридцать седьмой. На лестничных площадках он видел остовы дверей — деревянное полотно сгнило, металлические петли проржавели до дыр. Тридцать шестой. Тридцать пятый. На тридцать пятом он остановился — лестница обрывалась. Пролёт рухнул вниз вместе с частью стены, и теперь на его месте зиял провал, заполненный ветвями и лианами. Ветви были толщиной с бедро, они переплелись в плотную сетку, покрытую слизью.

Андрей оценил несущую способность конструкции. Лианы — не дерево. У них волокнистая структура, сопротивление на разрыв высокое, но на излом — низкое. Если переплетение плотное, оно выдержит его вес. Если нет — он упадёт с тридцать пятого этажа.

Он ступил на ближайшую лиану. Та прогнулась, но не подломилась. Пружинит. Он перенёс вес полностью, ухватился за вертикальный ствол — тёплый, влажный, с шелушащейся корой — и начал пробираться вниз. Листья хлестали по лицу, оставляя липкие следы. Где-то рядом, в сплетении ветвей, что-то хлюпало и вздыхалось — возможно, вода текла внутри полой лианы, а возможно, там сокращался какой-то растительный мускул. Андрей не стал уточнять.

Он спустился на три этажа, когда лиана под правой рукой лопнула.

Резкий треск, фонтан сока, и его тело поехало вниз. Он вцепился левой рукой, ободрал ладонь о кору, почувствовал горячую боль. Ноги нащупали опору — толстый сук, вросший в стену. Андрей замер, часто дыша. Кровь на ладони смешалась с соком лианы и стала бурой, почти чёрной.

Он двинулся дальше. Медленнее. Осторожнее. Этаж за этажом.

На двадцать пятом этаже лестница возобновилась. Здесь было темнее — биолюминесценция ослабла. Андрей шёл на ощупь, касаясь стены. Стена была тёплой и влажной. Иногда под пальцами попадались твёрдые округлые наросты, и они лопались с тихим «чпок», выбрасывая в воздух облачко спор. Андрей прикрывал лицо рукой и шёл дальше.

Двадцатый этаж.

На двадцатом он нашёл квартиру с уцелевшей дверью. Металлическая, вспучившаяся от коррозии, но целая. Он налёг плечом — дверь подалась не сразу, но поддалась. За ней был коридор, заросший грибом. Грибок свисал с потолка белыми сталактитами, а на полу лежал толстый слой спор — мягкий, как ковёр. Андрей прошёл в комнату. Окно зияло пустым проёмом, и внутрь вползали лианы. Мебель превратилась в труху — деревянный остов дивана, пружины, вросшие в мох. На стене висела картина в рамке — пейзаж, озеро, сосны. Стекло заросло грибом изнутри. Андрей смотрел на неё несколько секунд. Сосны. Он помнил сосны. Он помнил запах хвои — сухой, смолистый. Не этот приторный гнилостный дух.

Он отвёл взгляд и начал обыскивать помещение. В ванной комнате — трубы, разорванные замерзанием. В кухне — остов холодильника, проржавевший насквозь. Он нашёл то, что искал, в кладовке: пластиковую бутылку, запечатанную. Вода. Пять литров. Этикетка выцвела, но пластик уцелел. Андрей открутил крышку, понюхал. Вода пахла затхлостью, но не гнилью. Он сделал плоток. Ещё один. Заставил себя остановиться — половину оставить на потом.

Дальше спускался быстрее. Вода придала сил, прояснила голову. Он перестал вздрагивать от каждого шороха и начал замечать закономерности. Грибок на стенах рос не хаотично — он образовывал прожилки, сходящиеся к определённым точкам, словно реки к озёрам. В этих точках набухали плодовые тела — мясистые, блестящие, размером с кулак. Андрей предположил, что там скапливается вода. Значит, можно ориентироваться.

На пятнадцатом этаже он услышал скрежет.

Не растительный хруст — металлический скрежет, низкий, вибрирующий. Он доносился снизу и постепенно усиливался. Андрей замер на лестнице. Скрежет перешёл в стон — и вдруг оборвался гулким ударом, от которого дрогнул пол. Где-то внизу рушилось перекрытие. Бетон не выдерживал нагрузки от корней. Здание медленно разваливалось.

— Осталось... — Андрей прикинул в уме. — Лет двадцать. Максимум тридцать. Несущие конструкции сожраны на сорок процентов.

Он продолжил спуск. Теперь он смотрел не только под ноги, но и на стены, оценивая трещины, прогибы, состояние арматуры. Это была его работа — оценивать конструкции. Делать знакомое в незнакомом месте. Зацепка для рассудка.

Десятый этаж.

Пятый.

Третий.

На первом этаже он вышел в вестибюль. Лифтовые шахты зияли чёрными провалами. Пол был засыпан стеклянной крошкой вперемешку с перегноем. Сквозь разбитые витражи

вливался зеленоватый сумрак — солнце клонилось к закату, свет становился гуще, тяжелее. Андрей пересёк вестибюль и вышел наружу.

Улица встретила его стеной запаха.

Приторно-сладкий, гнилостный, землистый, кислый — все оттенки разом. Воздух был так насыщен влагой, что дышалось с трудом — лёгкие наполнялись жидкостью, как будто он не вдыхал, а пил. Под ногами чавкнуло. Асфальта не было — его заменил ковёр из мха, лишайника и каких-то стелющихся растений с мелкими белыми цветами. Цветы пахли ванилью — настолько сильно, что у Андрея закружилась голова. Он сделал шаг, и мох под ногой спружинил, выпуская воду. Ещё шаг. Ещё. Ноги промокли мгновенно.

Он огляделся. Улица превратилась в ущелье. Стены небоскрёбов уходили вверх, покрытые зеленью, и над головой смыкались кроны. Солнечный свет пробивался только пятнами. В этих пятнах клубились споры — золотистые, переливающиеся. Андрей пошёл вперёд, огибая наросты. Нарост размером с автомобиль лежал прямо посреди проезжей части, бугристый, покрытый слизью. Из трещины в нём сочилась мутная жидкость, и вокруг неё собралась лужица, в которой плавали мелкие белые черви. Андрей обошёл нарост и увидел остов автобуса.

Машина вросла в мох наполовину. Колёса исчезли под зелёной массой, из оконных проёмов свисали лианы, на крыше рос кустарник. Салон превратился в пещеру. Андрей заглянул внутрь. Сиденья сгнили, металлические поручни проржавели. На полу — ковёр из мха. Но крыша цела. Относительно.

Он забрался внутрь. Здесь можно было переночевать. Не безопасно, но лучше, чем снаружи.

Он сел на мох, привалился спиной к остову сиденья и закрыл глаза. Тело ныло. Ладонь саднила. В висках стучало. Но он был жив. Он нашёл воду. Он спустился с сорока этажей. Всё остальное — завтра.

Снаружи донеслось влажное чавканье. Он открыл глаза и увидел, как по корпусу автобуса медленно ползёт грибница. Белёдые нити, подрагивая, двигались к оконному проёму. Их привлекал запах пота. Запах крови на ладони. Запах человека.

Андрей отодвинулся в дальний угол и зажал раненую ладонь рукавом куртки.

Грибница доползла до окна и замерла. Её нити подрагивали в воздухе, как змеиные языки. Пробовали воздух. Искали.

Снаружи темнело. Закатный свет угасал. Взамен ему разгоралась биолюминесценция — зеленоватая, гнилостная. Лестничные клетки небоскрёбов засветились изнутри. С наростов закапала светящаяся жидкость. Лианы, свисающие с ветвей, замерцали бледно-голубым.

Мир не стал тихим — он стал другим. Дневной шорох листьев сменился ночным хрустом растущих корней. Где-то рядом треснул бетон. Где-то лопнула спора, выбросив в воздух светящуюся пыльцу. Где-то чавкнула почва, всасывая воду.

Андрей сидел в остове автобуса, смотрел на подрагивающую грибницу в оконном проёме и слушал.

Он слушал всю ночь.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.